
ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ*

Кузнецова Т. Ф.**

В статье с учетом имеющихся представлений о цифровой культуре дается ее понимание в контексте положений новой институциональной экономики. Автор исходит из того, что если из идеи институтов следует структура цифровой экономики, то такова же основа и цифрового общества. Необходимым атрибутом и регулятором такого общества становится цифровая культура.

Ключевые слова: культурология, цифровая культура, новая институциональная экономика, тезаурусный подход.

In the article, the author interprets digital culture in the context of existing ideas about it and the provisions of the new institutional economy. The author proceeds from the fact that if the structure of digital economy originates from the idea of institutions, then the digital society should have the same basis. Thus, digital culture appears a necessary attribute and regulator of such a society.

Keywords: cultural studies, digital culture, new institutional economy, thesaurus approach.

Введение

28 июля 2017 г. распоряжением Правительства РФ № 1632-р утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которой предшествовал ряд документов, в том числе Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. В программе, в частности, обозначено, что применяемые в ней понятия «используются в значении, определенном в документах стратегического планирования, законодательных актах и иных нормативных правовых актах» [Программа... 2017]. Как же в этом случае понимается цифровая экономика – термин, основной для данного документа, но не имеющий в нем определения?

Согласно Стратегии, цифровая экономика – это «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований («Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества»), проект № 19-511-93002.

** Кузнецова Татьяна Федоровна – д. ф. н., профессор Московского педагогического государственного университета. E-mail: kuzline@mail.ru.

повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [Стратегия... 2017].

В этой хозяйственной деятельности многое стремительно меняется. В Программе приведены такие данные: в 2016 г. доля жителей, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, составляла 18,77 %. При этом на 100 человек приходилось 159,95 мобильных телефонов и из 100 человек 71,29 использовали мобильный доступ к сети Интернет. Средняя скорость в сети Интернет в России выросла на 29 % (до 12,2 Мбит/с), в связи с чем по этому показателю РФ находится на одном уровне с Францией, Италией и Грецией. К началу 2017 г. российский рынок коммерческих центров хранения и обработки данных вырос до 14,5 млрд рублей [Программа... 2017].

Однако некоторые успехи не устраивают правительство, которое исходит не из заметного роста показателей внутри России, отмечаемых в последние годы, а из мировых сравнений. В Программе отмечается: «По предложению Всемирного экономического форума для оценки готовности стран к цифровой экономике используется последняя версия международного индекса сетевой готовности, представленная в докладе “Глобальные информационные технологии” за 2016 г. Усовершенствованный индекс измеряет, насколько хорошо экономики стран используют цифровые технологии для повышения конкурентоспособности и благосостояния, а также оценивает факторы, влияющие на развитие цифровой экономики. Согласно указанному исследованию Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отрывом от десятки лидирующих стран, таких, как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония. С точки зрения экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий, Российская Федерация занимает 38-е место с большим отставанием от стран-лидеров, таких, как Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль, Сингапур, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Норвегия, Люксембург и Германия» [Там же].

Собственно, это «значительное отставание в развитии цифровой экономики от мировых лидеров», которое объясняется «пробелами нормативной базы для цифровой экономики и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций» [Там же], определило и появление Программы, и сам ее дух – стремление преодолеть отмеченное отставание, скоординировать для этого все ресурсы. Изменения касаются всей общественной жизни: повседневности, производственных отношений, структуры экономики и т. д. Программа исходит и из установки на перемены во всех частях гуманитарной сферы, включая образование – одно из базовых направлений развития цифровой экономики. Но главное все же состоит в том, что цифровизация экономики и общества в России означает принципиальное изменение хозяйственной деятельности, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме.

Эта впечатляющая картина оставляет на заднем плане один, но важный фактор – фактор культуры.

В Программе, занимающей 87 страниц убогистого текста, слово «культура» употреблено только один раз в такой формулировке: «Задача. 2.12. Мотивировать иностранных граждан на участие в развитии цифровой экономики России.

Вежа: 2.12.3. Создана система развития и поддержки деловых и культурных связей с уехавшими за рубеж соотечественниками, работающими в сфере цифровой экономики». Предполагается, что срок исполнения этой «вежи» – IV квартал 2018 г. [Программа... 2017]. Очевидно, что это очень узкое понимание культуры. Очевидно и то, что культурный фактор попросту оставлен в стороне в стремлении догнать передовые страны на экономическом поприще и сделать основой этой гонки за первенство цифру.

Но было бы неверно из ориентации Программы делать вывод об ориентации всей деятельности по внедрению цифровой экономики в российскую жизнь. Программа преследует определенные цели, в ней, кстати, и обозначенные, и не должна восприниматься как намерение государства перекроить всю жизнь по лекалам цифровой экономики. Все же преуменьшение фактора культуры в управленческих решениях общероссийского уровня ставит задачу понять значение этого фактора, выявить его значимость. Подходы к этому и составляют цель данной статьи.

Новая институциональная экономика и проблема культуры

О российском варианте цифровой экономики особенно активно говорится в 2017–2018 гг. после принятия ряда государственных решений в этой сфере. Вопрос рассматривается и теоретически, и практически, причем практическая сторона продвигается много активнее. Теоретически важно, что цифровая экономика не трактуется вне связи с неэкономическими факторами. А. А. Аузан, возглавляющий экономическое направление подготовки в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, исходит из того, что цифровая экономика на первое место выдвигает проблему культуры и экономическая эффективность становится, таким образом, фактом культурной предрасположенности к ее активным трансформациям в той или иной стране, регионе и т. д. [Аузан 2013]. Его обобщение, что «культура влияет на экономику не меньше, чем экономика на культуру» [Его же], представляется принципиально значимым и в теории, и на практике. Он показывает, почему «страны выходят на различные траектории экономического развития (стабильно более развитые страны и отстающие)», а также и то, «как ошибочные решения давних лет становятся нормами, закрепляются и влияют на дальнейшее будущее страны и какую роль в этих процессах играют культура и образование» [Там же].

Надо учитывать, что А. А. Аузан не только декан экономического факультета МГУ и заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета этого вуза, но и член Экономического совета при Президенте РФ, член Правительственной комиссии по проведению административной реформы. Не случайно его считают сторонником мер по развитию «человеческого капитала» в России. Это, среди прочего, значит, что фактор культуры учитывается при построении прикладных проектов цифровой экономики, хотя этого подчас не видно.

Впрочем, следует учесть, что культурный ракурс, который придают цифровой экономике некоторые прогрессивные теоретики этой технократической в своей основе идее, имеет свои корни в новой институциональной экономике, которую развивает и упомянутый выше А. А. Аузан [Аузан и др. 2011]. Появившись еще

в конце 1930-х гг., это направление теоретической и прикладной экономики к концу 1970-х гг. выросло в заметную школу экономической теории, распространившуюся в США и ряде европейских стран. Еще через два десятилетия возникло Международное общество по новой институциональной экономике. Активные члены этого общества, исследователи Клод Менар и Мэри М. Ширли из Центра экономики Сорбонны при Парижском университете (Пантеон Сорбонна и Институт Рональда Коуза), обращая внимание на эти факты, отмечают, что менее чем за 20 лет направление было отмечено четырьмя Нобелевскими премиями (в том смысле, что такое признание получили четыре представителя данного направления), работы его представителей составили основной объем ведущих журналов по экономике, оно внедрилось в важные политические решения [Ménard, Shirley 2012]. Менар и Ширли пытаются понять, новая ли это парадигма или логическое продолжение неоклассической экономики. Отвергая тех, кто игнорирует выводы новой институциональной экономики (а это часто молодые экономисты) и ссылаясь на Роланда Коуза [Coase 1999], они делают вывод, что данное направление экономического мышления не заменит теорию цен, но поместит ее в новый контекст, гораздо более полезный. Что же это за контекст (или, как говорит Коуз, *a setting* – окружение, условия, параметр)?

Идея новой институциональной экономики состоит в том, что расширение экономической теории должно идти за счет особого внимания к трактуемым как институты социальным нормам и предписаниям права [Rutherford 2001; Alston 2007; Alston *et al.* 2014], а значит, экономические методы надо учитывать и в других социальных науках, и прежде всего применять их к исследованию социальных институтов, на которых и строится вся конструкция общества. Поэтому изучение прав собственности, транзакционных издержек, контрактных агентских отношений и т. д. должно вестись не только экономистами, а всеми гуманитариями, понимание же человека определяется в таком случае тем, что институты вносят особый класс ограничений человеческого выбора и поведения, который определяет характер рациональности и конформизма в человеческом измерении.

Новая институциональная экономика с ее опорой на принцип методологического индивидуализма лежит в основе процедуры понимания в теории цифровой экономики и человеческого фактора, и многообразных культурных аспектов. В этом сила такого подхода, но и его слабость. В чем сила – достаточно понятно, поскольку названная школа экономической теории укрепляется, имеет объективные основания для расширения, привлекая не только принадлежащих к кругу кабинетных ученых сторонников, но и принимающих масштабные решения политиков. Выразителем силы институционального подхода стал сборник статей под редакцией Л. Харрисона и С. Хантингтона «Культура имеет значение», вызвавший в свое время широкий отклик научной общественности. Задавшись вопросом, каким образом ценности способствуют общественному прогрессу, авторы, среди которых крупные теоретики современного мира, например Ф. Фукуяма, отвечают, что это возможно путем трансформации культуры с помощью политических или иных инструментов [Культура... 2002]. Самюэль Хантингтон предисловие к сборнику символически назвал «Культуры – это серьезно» [Там же: 9], и в целом по развиваемым идеям сборник надо бы назвать «Культура имеет решающее значение».

Характерно, что в статьях сборника есть культурные мотивы Латинской Америки, Восточной Азии, где речь идет об «азиатских ценностях» и т. д.

В чем же слабость? Она видится в том, что школа новой институциональной экономики исходит преимущественно из западной системы ценностей. Культура в целом предстает здесь в конечном счете (даже когда говорится о неевропейских странах) в европоцентристской модели, с ориентацией на ее единство и глобальное значение для мира. Человек нередко предстает достаточно ограниченным и минимизирующим свои интеллектуальные усилия, а еще и корыстным, готовым для достижения своих интересов к лукавству. Под лукавством (или вероломством) новая институциональная экономика видит более всего возможность нарушения контрактов, но общий тон рассуждений понятен, и он очень напоминает тейлоризм 1920-х гг. с его представлением о рабочем как о существе от природы ленивом и стремящемся получать много, ничего не делая.

Важно уже то, что в экономике появилось и широко распространилось направление, которое чисто экономические задачи видит в культурном контексте. Но представление культуры здесь создает перспективам экономики в основном одну культурную рамку: культура часто понимается в американском варианте или в варианте, порождаемом глобализацией, что в конечном смысле одно и то же. Глобализационная культура в своей основе есть культура по-американски с некоторыми вкраплениями упрощенных и переосмысленных с позиций европео-американской цивилизационной модели японской, китайской и других культур, откуда взяты, по существу, преимущественно экзотические или с определенным подтекстом символические элементы. Разумеется, в научных трудах по экономике таких упрощенных и основанных на социальных стереотипах с негативной коннотацией образов нет, но присмотримся внимательнее к приводимым в качестве образца культурным сравнениям. Упомянутое предисловие С. Хантингтона начинается с таких оценок: «Просматривая в начале 1990-х гг. экономическую статистику Ганы и Южной Кореи тридцатилетней давности, я был поражен сходством показателей этих стран. Они были близки по распределению валового национального продукта на душу населения, имели похожего отраслевого структуру экономики и жили в основном за счет сырьевого экспорта (хотя Южная Корея уже тогда начала вывозить готовую продукцию). Объемы экономической помощи, оказываемой обеим странам, тоже были примерно равными. Через три десятилетия Южная Корея превратилась в индустриального гиганта... В Гане же, где доход на душу населения составлял лишь одну пятнадцатую южнокорейского, не наблюдалось ничего похожего. Каким образом можно объяснить столь резкие перепады в развитии? Несомненно, здесь сыграли свою роль многие факторы, но, как мне представляется, прежде всего дело объяснялось культурными различиями. Южнокорейцы ценили бережливость, умелое вкладывание денег, образование, организацию и дисциплину. У жителей Ганы были другие ценности» [Культура... 2002]. Это сравнение, само по себе бесспорное, показывает, что деривации научных конструкций в данной области восходят к протоэлементам «свое», «чужое», «чуждое», на которых зиждутся все тезаурусы (см. о тезаурусах в социальных и гуманитарных науках: [Луков 2018]), в том числе и социальных общностей, и культурных ареалов. Соответственно, эта триада присуща и идеологам, теоретикам новой институциональной экономики, исполнителям этой теории на прак-

тике. Они пользуются научной терминологией, научной конструкцией профессиональных знаний, однако картины мира, составляющие ядро тезаурусов, у них систематизируют знания-понимания-умения (термин И. М. Ильинского) по иной модели, которая может быть и не видна [Кузнецова 2012], а на поверхности остается устойчивый образ науки, основанной на присущих ей обобщениях, нередко исходящих из идеала, а не действительности.

Такой же устойчивый, но, на наш взгляд, не всегда *оправданно*, и слишком идеализированный образ новая институциональная экономика придает и основным экономическим категориям. На уровне идеальных типов данная теория рассматривает, например, рынок как основанный на безукоризненной конкуренции, чего не было и нет. Всякие нарушения этого считаются виной государственных структур, которую государство и должно исправить. Американский экономист Гарольд Демсец, в свое время показавший, что конкуренция характерна не только для рынка, но и для его отношений с фирмами, основанными на частной собственности [Alchian, Demsetz 1972], назвал ориентацию новой институциональной экономики на идеальные понятия «экономикой нирваны». Подобным образом и социальные институты берутся в их идеальном, а не реальном выражении (а значит, с массой несовершенств и противоречий, которые в них возникают в данных временных и пространственных условиях).

Поддержанная Нобелевскими премиями и многочисленными публикациями новая институциональная экономика проникает все глубже в отдельные разделы экономической теории, как бы изнутри преобразуя их. Такова и цифровая экономика в варианте, получающем в России все большее признание тех, кто принимает важные для судеб страны решения. Тема культуры здесь появляется пока редко и в самом общем виде.

Цифровая культура

Цифровую культуру уже не раз определяли, и здесь проявились разные подходы к ее пониманию. В 2012 г. один из номеров электронного «Международного журнала исследований культуры» специально был посвящен цифровой культуре. В нем представлены многие из ее определений. Так, Н. Л. Соколова в своем обзоре основных этапов исследования цифровых медиа и Интернета ставит в один ряд с такой категорией (слово «категория» принадлежит автору обзора), как «цифровая культура», такие, по ее оценке, базовые для исследования новых феноменов, как «цифровые (новые) медиа», «киберпространство», «киберкультура», «посткиберкультура». Она пишет: «Для некоторых исследователей исследовать цифровую культуру – значит просто исследовать переход масс-медиа от аналоговых форматов к цифровым. Здесь цифровая культура фактически отождествляется с новыми медиа. При таком подходе остаются вне поля анализа изменения, связанные с переменами в системе масс-медиа, но выходящие далеко за ее пределы. Для других исследователей изучать цифровую культуру – значит анализировать более широкое поле артефактов и практик, появление которых стало возможным благодаря цифровым технологиям: компьютерные игры, Интернет, компьютерную графику, технологическое искусство и др. Изучение цифровой культуры через анализ ее основных феноменов позволяет определить ее специфику, но, как пред-

ставляется, ограничивает предмет исследования» [Соколова 2012]. Таким образом, цифровая культура исследуется через ее феномены.

Представление о цифровой культуре как о совокупности артефактов достаточно распространено. Д. В. Галкин определяет ее как науку об «артефактах и символических структурах, основанных на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенных в институциональную систему и способствующих поддержанию определенных ценностей, закреплённых ментально» [Галкин 2012]. Рассматривая целый ряд определений, он подчеркивает, что «современная цифровая культура должна рассматриваться через анализ ее основных феноменов, к которым относятся видеоигры, персональный компьютер и его модификации, Интернет, искусственный интеллект, системное и прикладное программное обеспечение, компьютерная графика и системы виртуальной реальности, цифровые форматы традиционных средств коммуникации (книги, фотографии, аудио- и видеозаписи, цифровое ТВ), технологическое искусство. Понятие о единой цифровой культуре, а не наборе разнородных феноменов, базируется не только на общем основании бинарного языка, но и на конвергентной природе феноменов цифровой культуры – искусственный интеллект использует в видеоиграх и Интернет, компьютерная графика и анимация разрабатывается в технологическом искусстве, видеоиграх, компьютерных приложениях и Интернет» [Там же]. Этот интересный взгляд все же оставляет за пределами культуры то, ради чего она возникает и сохраняется в обществе.

Фактически в понимании цифровой культуры наметились две линии, которые не пересекаются. Одна трактует культуру через артефакты. Другая усматривает в ней монстра, порождаемого всеобщей цифровизацией, культура здесь скорее название, чем основание для исследования.

Но, может быть, значение культурного фактора во втором случае преувеличено и его стремятся навязать цифровой экономике те, кто профессионально занимается культурой и опасается с развитием цифры остаться не у дел? Либо придерживается такой картины мира, которая в принципе отрицает цифровую экономику, считая ее новой формой рабовладения. Мы уже обозначали, что такие взгляды имеют место [Кузнецова 2018]. Однако они мало что значат, пока за ними не открывается более масштабный феномен неприятия цифровой экономики и вытекающих из нее действий среди масс россиян.

Противоречие между ясными планами и уже предпринятыми действиями государства и бизнес-кругов в сфере внедрения цифровой экономики, с одной стороны, и разочарованием в ее результатах для людей, опасениями бездумной цифровизации их жизненного мира – с другой, есть прежде всего противоречие культурного порядка, то есть преимущественно относится к сфере культуры, которая может испытывать на себе процессы глобализации, демократизации общественной жизни и т. д., но не может преодолеть культурные коды, которые веками и тысячелетиями укоренялись в сознании носителей этих кодов, ментальности народов и рас, связанных с особенностями конкретных территорий с их ландшафтами, климатическими константами, влиянием природных сил, неподвластных человеку, а также религиозными и иными предпочтениями, распространенными картинами мира, которые, как мы подчеркивали выше, являются ядром тезауру-

сов – знаниевых комплексов, дающих социальным субъектам (от индивидов до масштабных социальных общностей) возможность ориентироваться в окружающей среде и творить новое, в том числе и в сфере познания жизненного мира.

Это означает, что теоретическое развитие цифровой экономики требует детальной проработки концепции *цифровой культуры*. Культурологическая по своей природе проблематика оказывается в этом случае тесно соединена с представлениями и ожиданиями, относящимися к типу общества – цифровому обществу, и не может быть успешно освоена и развита на монодисциплинарной основе.

В то же время культурология в контексте формирования цифрового общества должна приобрести новые черты, а частью преобразиться как по содержанию, так и по форме. Появившаяся на стыке философии культуры и конкретных наук о культуре, в частности искусствоведения, филологии, культурной антропологии и т. д., культурология несколько отодвинула в тень проблематику эстетики как чисто философской науки. На I Российском эстетическом конгрессе, состоявшемся в Санкт-Петербурге в октябре 2018 г., появилась секция «Культурологическая эстетика». Раньше такого термина не было, новый термин обозначает направление изменений: культурологическая эстетика должна выявить прогнозируемые преимущества формирующегося общества в России и в мире. Это не только своего рода контрфорс превращения цифры в аналог власти, обезличивания людей, однообразия заранее предсказанных ситуаций и т. д., иначе говоря, не только превращение общества в хорошо управляемый и лишенный социальных случайностей жизненный мир, но и угроза замещения цифрой сферы эстетического. Осмысление социокультурных детерминант эстетического, его деятельностных, институциональных, предметно-вещных, семиотических, информационно-коммуникативных, ментальных и духовных оснований в ситуации становления цифрового общества поможет преодолеть угрозу его одномерности, вести к конструированию более разнообразного и соразмерного человеку и его взглядам на мир обществу.

Цифровая культура – пока только идея, а с позиций тезаурусного подхода – *концепт*, то есть присущее любому тезаурусу обобщение, которое имеет и черты понятия, и черты образа, ценностное содержание которых в самом упрощенном виде сводится к размещению по оси «свое – чужое – чуждое». Лишь по мере более ясного осознания критической массой россиян перспективности для их повседневной жизни и опривыченных социальных и культурных практик цифровой экономики можно будет двинуться и к более четкой структуре цифровой культуры. Очевидно, что эта структура в своей основе будет содержать те же элементы, что и любая другая культура, но эти элементы могут быть по-другому осмыслены в реалиях современности.

Вопрос скорее в том, что считать в этом случае критической массой россиян. Ее надо увидеть как не столько количественную, сколько качественную характеристику. Тогда в ней важным преддверием формирования интеллигенции и социального круга специалистов в ведущих профессиях окажется студенчество, которое в условиях массовизации высшего образования приобретает новые черты и в структуре вузов (а значит, и их образовательных программ), и в социальной структуре. Гуманитаризация образования, о которой немало говорилось и в про-

шлом, когда научно-техническая революция породила практику технократии в управлении всем обществом, теперь приобретает новый смысл. Формирующееся будущее культуры должно обеспечить сохранение свободы как условия самореализации человеческой индивидуальности, право прожить жизнь на основе собственного выбора.

Заключение

Цифровая культура в новой институциональной экономике должна быть прямым следствием обобщений, которые основываются на институциональной природе человеческих сообществ, организации всей коллективной жизни. Иначе говоря, если из идеи институтов следует структура цифровой экономики, то такова же основа и цифрового общества. А если считать его естественным следствием изменений в мире, в том числе в сфере экономики, то необходимым атрибутом и регулятором такого общества и становится цифровая культура.

В этом более широком контексте, чем принято ее определять через присущие ей артефакты, цифровая культура проявит и свои особенные свойства, но ее основа все же будет исходить из того, зачем в обществе при любом его развитии нужна культурная составляющая, что она регулирует, какие функции выполняет, даже если ее носители не придают ей значения, а то и относятся к ней как к символу несвободы, ограничений и назидательных уроков старших поколений.

Литература

Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Аузан А. А. «Экономика и культура»: лекция Александра Аузана [Электронный ресурс]. URL: <https://monocler.ru/ekonomika-i-kultura/> (дата обращения: 17.10.2018).

Аузан А. А., Дорошенко М. Е., Иванов В. В., Елисеев А. Н., Калягин Г. В. и др. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория: учебник. М. : Инфра-М, 2011.

Галкин Д. В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики [Электронный ресурс] : Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3(8). URL: https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03%288%29_2012.pdf (дата обращения: 17.10.2018).

Кузнецова Т. Ф. Культурная картина мира: Теоретические вопросы. М. : ГИТР, 2012.

Кузнецова Т. Ф. Цифровое общество в свете культурологии [Электронный ресурс] : Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 1. С. 27–36. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/700> (дата обращения: 17.10.2018).

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Моск. школа полит. исследований, 2002.

Луков В. А. Тезаурусная социология: в 4 т. М. : Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2018.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Элек-

тронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? [Электронный ресурс] : Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3(8). URL: https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03%288%29_2012.pdf (дата обращения: 17.10.2018).

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 17.10.2018).

Alchian A. A., Demsetz H. Production, Information Costs, and Economic Organization // *American Economic Review*. 1972. Vol. 62. Pp. 777–795.

Alston L. J. The New Institutional Economics // *The New Palgrave Dictionary of Economics* / ed. by S. Durlauf, L. Blume. London : Palgrave Macmillan Ltd, 2007. Pp. 32–39.

Alston L. J., Mueller B., Nonnenmacher T. The New Institutional Economics: Concepts and Applications. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.702.5962&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

Coase R. H. The Task of the Society. Opening Address to the Annual Conference of ISNIE // *ISNIE-Newsletter*. 1999. No. 2(2). Pp. 1–6.

Ménard C., Shirley M. M. New Institutional Economics: From Early Intuitions to a New Paradigm? 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coase.org/workingpapers/wp-8.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

Rutherford M. Institutional Economics: Then and Now // *Journal of Economic Perspectives*. 2001. No. 15(3). Pp. 185–190.